

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Факультет гуманитарных и социальных наук
Кафедра социальной философии

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
социальной философии
М.Л. Ивлева _____

« ____ » _____ 20 ____ г.

КУРСОВАЯ РАБОТА

на тему:

«Jouissance в психоанализе Жака Лакана»

47.03.01 «ФИЛОСОФИЯ»

Бакалавр

Разработчик:

Студент группы: ГФб-21

Студенческий билет №:

1032169284

Шестакова С. А.

« ____ » _____ 20 ____ г.

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент кафедры

социальной философии Волобуев

А. В.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Истоки <i>jouissance</i> у Фрейда.....	6
1.1. Ранний период.....	8
1.2. Средний период.....	11
1.3. Поздний период.....	13
1.4. Связь между теорией Фрейда и <i>jouissance</i> Лакана.....	15
ГЛАВА 2. Модальности <i>jouissance</i>	19
ГЛАВА 3. <i>Surplus jouissance</i> как продукт дискурса.....	32
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	42
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	45

ВВЕДЕНИЕ

История понятия *jouissance* по большей части начинается в 1958 году, когда в парижском госпитале Святой Анны Жак Лакан проводит четырнадцатую сессию своего пятого семинара, названного «Образование бессознательного». Позже Жак-Ален Миллер даст название этой сессии: «Желание и *jouissance*». Несмотря на то, что до этого времени *jouissance* как термин использовался Лаканом для построения ранних концептов, вплоть до пятого семинара он не был исследован, не был проблематизирован и не был разработан в каком-либо структурном смысле. *Jouissance* как наслаждение использовалось Лаканом в приложении к гегелевской диалектике раба и господина, где раб должен содействовать *jouissance* господина через свой труд, производящий объекты для господина. Однако в 1958 году учение о желании, которое предлагал Лакан своим слушателям, углубилось, заложив основу для многолетнего изучения оппозиции желания и *jouissance*, продолженную вслед за Лаканом не только внутри традиции лаканианского психоанализа, но и в традиции континентальной философии, став предметом исследования таких философов как Ж. Делез и Ф. Гваттари, Р. Барт, Ю. Кристева, С. Жижек и Э. Сиксу.

Обрастая нюансами, приобретая неоднозначность как внутри учения самого Лакана, так и за его пределами, с течением времени *jouissance* как концепт начинает закономерно усложняться до той степени, когда его больше не удастся втиснуть в рамки общеупотребимого «наслаждения», и невозможно просто использовать без оглядки на всю теоретическую работу, проделанную Лаканом в ходе своих семинаров. Целью Лакана было очертить «понятие, которое всегда подразумевалось нами в рассуждениях о желании, но которое заслуживает быть отделенным от него, и которое может быть артикулировано только после того, как человек основательно проникнется в сложность, составляющую желание.

Это понятие, которое будет другим полюсом сегодняшнего дискурса, и его имя: *jouissance*».¹

Актуальность темы определяется центральным положением понятия *jouissance* как в теории, так и в практике лакановского психоанализа. Кроме того, несмотря на то что семинары Лакана были проведены десятилетиями назад, они представляют не только психоаналитическую, но и философскую ценность для всех заинтересованных данным аспектом фрейд-лакановского учения. В течение последних пятидесяти с лишним лет идеи Лакана стали центральными в том числе и для традиции континентальной философии.

Jouissance Лакана детально изучался такими исследователями как Б. Финк, Н. Браунштейн, Ж. А. Миллер, С. Томсик, С. Жижек, Т. Макгоуэн, Ф. Реньо, К. Солер, Г. Гауфей, Ж. Аллюш, Ж. Клеменс и Р. Григг. Феминистки и культурные критики апроприировали концепт Лакана и придали ему новые смыслы. Среди феминисток в *jouissance* больше всего заинтересованы французские представительницы движения; двумя наиболее известными являются Ю. Кристева и Л. Иригарай. В политических исследованиях, такие теоретики как С. Жижек и Т. Дин обратили внимание на *jouissance* Лакана для того, чтобы показать актуальные социальные проблемы, такие как этническая ненависть или гомофобия как мотивированные негодованием и неприятием *jouissance* Другого. Среди отечественных исследователей необходимо выделить В. Мазина, Е. Зельдину, А. Зупанчич, А. Черноглазова, А. Дьякова, систематизировавших на русском языке многие положения Лакана.

Наша позиция заключается в том, что множество смыслов понятия *jouissance* можно свести к четырем основным модальностям: фаллическому *jouissance*, *jouissance* Другого, *jouissance* Вещи и *jouis-sens*, а продуктом дискурса в теории дискурсов Лакана является *surplus jouissance*, который стоит выделить как особую форму *jouissance*.

---

¹ Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan. Book V : The Formations of the Unconscious : 1957-1958, Trans. by Gallagher, C. 251

Предмет курсовой работы – специфика, структура, динамика *jouissance* в психической структуре человека и социальной структуре общества как дискурса.

Объект исследования – *jouissance* как концепт в психоанализе Жака Лакана.

Цель работы – проследить развитие содержания понятия *jouissance* в трудах Жака Лакана.

Задачи: выявить истоки идеи *jouissance* в психоанализе З. Фрейда и установить преемственность его идей;

Определить модальности *jouissance*;

Рассмотреть *surplus jouissance* как продукт дискурса.

ГЛАВА 1. ИСТОКИ JOUISSANCE У ФРЕЙДА

Несмотря на то, что на сегодняшний день за Жаком Лаканом признан статус оригинального мыслителя, а его ученики и последователи на основе трудов психоаналитика учредили собственную школу, школу лаканианского психоанализа, сам Лакан твердо и до самого конца настаивал на том, что является продолжателем, последователем теории Зигмунда Фрейда, единственным глубоко преданным фрейдистом. На своем первом семинаре 13 января 1954 года Лакан утверждает: «Я говорю вам только то, что есть у Фрейда»². Действительно, вдумчиво анализируя фрейдовский текст, Лакан мыслит «внутри» него, однако даже поверхностное изучение работ французского психоаналитика заставляет понять, что мысль самого Лакана уходит гораздо дальше среднестатистического комментирования, а цель его исследований, «возврат к Фрейду», путем оригинальных интерпретаций подводит психоанализ к таким областям, о которых Фрейд и не подозревал.

Хорошо осведомленный о критическом восприятии своих идей в контексте наследия Фрейда, 7 ноября 1955 года на лекции в Вене Лакан утверждает программу своего «возврата», заключающуюся в «возврате смысла» психоанализа. Он оппонирует эго-психологии, предельно упростившей и адаптировавшей мысль основателя психоанализа к господствующей идеологии. Все, что отвергает Лакан: однозначность, систематичность, догматичность – в той или иной мере в своей противоположности декларируется им в рамках собственных семинаров. Тексты Лакана допускают недосказанность и различие интерпретаций. Его ориентиром становится живость, подвижность мысли Фрейда. Он обращается не столько к терминам, сколько принципам, лежащим в их основе. Эти принципы черпаются им из философии Гегеля через призму А. Кожева, обратившего свое внимание на диалектику желания (*désir*) и бессознательного, пришедшего на место гегелевского сознания³.

---

² Lacan, J. The Seminar I: Freud's Papers on Technique, Ed. J-A Miller, N.Y. : Norton, 1988., С. 14

³ Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. М. : 2010., С. 406

На данный момент можно сказать, что существует проблема терминологического смещения лаканизма и фрейдизма, обусловленная отказом Лакана признаться в том, насколько далеко ушло его учение от фрейдовской доктрины⁴, однако *jouissance* – это оригинальное понятие, авторство которого закреплено исключительно за Лаканом. Тем не менее, как и многое другое, корнями оно уходит в работы Фрейда.

Так, например, сам термин '*jouissance*' в сущности является французским переводом немецкого слова *Genuss*, которое Фрейд использовал для обозначения своеобразного «комплексного» наслаждения, включающего в себя такие модальности, как неудовольствие, неудовлетворение, боль, отвращение, эрогенный мазохизм, либидо и наслаждение, подразделяющееся на наслаждение, которое приносит чувственное удовольствие, *Lust*, развертывающееся в принципе удовольствия через диалектику с неудовольствием, *Unlust*, и удовольствием владения некой собственностью, *Besitz*⁵. Разграничение *Genuss* и *Lust*, которое осуществляет А. Кожев, позже дает основание для концептуального разделения удовольствия и *jouissance*⁶. Примечательно, что *Genuss* в теории Фрейда отсылал к удовлетворению на уровне как влечений, *Wunscherfulling*, так и инстинктов, *Befriedigung*. Отталкиваясь от семантики *Befriedigung*, мы можем усмотреть идею удовольствия как удовлетворения-покоя, поскольку *Befriedigung* напрямую переводится как «удовлетворение» и производится от *Friede* (др. *Frieden*, «покой»). Мы можем утверждать, что такая трактовка вполне оправдана, приняв во внимание тот факт, что Фрейд понимает удовольствие как освобождение от напряжения, как «негативное удовольствие», оппонирующее боли.

Придерживаясь хронологии развития мысли Фрейда, мы можем наблюдать истоки *jouissance* в трех периодах развития его учения: раннем, среднем и позднем.

---

⁴ Там же., С. 365.

⁵ Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon, Ed. B. Cassin, E. Apter, J. Lezra, M. Wood, Princeton University Press, 2014. С. 794

⁶ Zuccarini, C. Enjoying the Operatic Voice : A Neuropsychanalytic Exploration of the Operatic Reception Experience. Vernon Press, 2019. С. 74

1.1. Ранний период

Мы можем начать с 1899 г., когда Фрейд впервые предлагает понятие Эдипового комплекса, одного из самых знаменитых и наиболее критикуемых своих нововведений, используя его для описания фаллической стадии психосексуального развития ребенка, впервые проявляющийся между вторым и третьим годами жизни. Комплекс отсылает к влечению ребенка мужского пола, направленного на родителя противоположного пола, матери, и зависть к родителю своего пола, отцу. В своей сущности Эдипов комплекс является репрезентацией центральных, мотивированных инстинктами конфликтных отношений ребенка и родителя, которые вытесняются, теряют первостепенное значение или, в идеальном варианте, уничтожаются с течением времени под влиянием эго, которое стремится от них отвернуться. Но до тех пор, пока комплекс остается подавленным, он сохраняется в бессознательном и в ид, проявляя свои патогенные эффекты. Желание в Эдиповом комплексе – это желание обладания Другого, желание быть обладаемым Другим и желание подавить отца. Но до тех пор, пока эти желания не могут быть осуществлены, каждому из них отвечает фантазм, который заменяет реальный акт наслаждения воображаемым удовольствием, сопровождаемым собственной формой тревоги.

В «Тотеме и Табу», написанном в 1912 г. Фрейд вводит гипотезу отцеубийства, намеренного преступления сына против отца. Согласно фрейдовскому мифу, «однажды изгнанные братья собрались вместе, убили и съели своего отца и таким образом покончили с его властью»⁷. Таким образом, в одном предложении Фрейд суммировал «примечательный преступный поступок», который послужил основой психоаналитической мысли, главным источником чувства вины. Говоря словами Лакана, эдипово преступление, а именно – убийство праотца ведет не к достижению *jouissance*, а к утверждению институции Закона.

---

⁷ Freud, S. Totem and Taboo, Ed. A. A. Brill, London : George Routledge & Sons., 1919, C.235

Лакан экстраполирует логику отцеубийства на другой уровень, следуя словам Ницше о смерти Бога: «Мне не кажется, что подобная новость освобождает нас»⁸. Совсем не отменяя никакого закона, смерть консолидирует его. И на слова старого отца Карамазова: «Если Бог мертв, то все позволено» Лакан возражает: «Смерть Бога означает, что больше не позволено ничего»⁹. Иными словами, смерть отца устанавливает запрет *jouissance* еще сильнее, чем при жизни Бога.

Примечательно, что начало трагедии Эдипа полагает другое желание, желание знать правду. Вместе с убийством и *jouissance* сосуществует другое измерение, в котором аналитик, говорящий правду, подводит Эдипа к его бесславному концу.

Еще одним ключевым понятием является принцип удовольствия, впервые появившийся в ранних работах З. Фрейда. Принцип удовольствия позиционируется Фрейдом как концепт, отражающий стремление ид, совокупности иррациональных, неосознанных сил и инстинктов человека, к gratification удовольствия, имеющего сексуальную коннотацию, поскольку либидо как динамическая сила, приводящая в движение инстинкты, которыми руководствуется ид, тесно связано с половым инстинктом в широком смысле. Для Фрейда это положение имеет ключевое значение.

При этом стремление к удовольствию не понимается односторонне. Вторая сторона принципа – избегание страдания, которое также позволяет достичь удовлетворения физических и психологических потребностей.

Для регуляции катексиса, процесса переноса либидо на предметы и придания им за счет этого ценности, используется «принцип экономии» находящийся «внутри» принципа удовольствия, позволяющего переносить на предмет катексиса только такое количество энергии, которое не приведет к дисбалансу психического аппарата. Таким образом, можно сказать, что работа

---

⁸ Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan, Book XVII : The Other Side of Psychoanalysis, New York, Norton, 1969-1970, С. 119

⁹ Там же, С. 120

принципа удовольствия заключается в регуляции возрастания или убывания энергетического напряжения.

Общая картина усложняется со временем, и к 1915 году в статье «Инстинкты и их превратности» Фрейд обозначает очень сложную связь между удовольствием и неудовольствием¹⁰.

Параллельно с магистральной линией своего исследования Фрейд находит в принципе удовольствия иную идею, служащую плодородной почвой для развития своей мысли. Эта идея заключается следующем: симптом – это сексуальный акт¹¹. Иными словами, он репрезентирует удовольствие, аккумулируемое либидо.

Это положение кажется не слишком внятным. Симптом – это, безо всяких сомнений проблема, включающая в себя страдание. Симптом выходит за пределы принципа удовольствия и выражает себя в том дисбалансе, которого здоровый «принцип экономии» пытается избежать. Симптом – это вестник нарушения, неравномерного распределения либидо в отдельных структурах психологического аппарата и, следовательно, неудовольствия.

Составить подобное впечатление Фрейд помогла врачебная практика и работа со своими пациентами-истериками, в которых психоаналитик усмотрел парадоксальность экспрессии жалоб и страдания как выражения двух противоположных друг другу желаний, высказанных одновременно. Словно между ними симптом – это некий компромисс. Это иллюстрируют два весьма известных примера. Первый посвящен пациентке с истерией: одной рукой она пыталась прижать к себе платье (как женщина), а другой рукой разорвать (как мужчина)¹², второй же относится к Случаю человека-крысы. Фрейд заметил, что лицо пациента, описывающего свои мучительные навязчивые идеи, приняло странное выражение, которое психоаналитик мог интерпретировать только как «ужас собственного удовольствия, о котором он сам и не подозревал».

---

¹⁰ Freud, S. Instincts and their vicissitudes. London, Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis. : 1915., С. 126-138

¹¹ Wollheim, R. Sigmund Freud. N.Y. : Cambridge University Press, 1981., С.88

¹² Freud, S. Hysterical Fancies and their Relation to Bisexuality, Ed. A. A. Brill, 1920 S.P.H., С. 166

1.2. Средний период

Говоря в широком смысле, этот период посвящен развитию теории либидо в контексте теории нарциссизма с 1914 г., и метапсихологических работ 1915 г. Несмотря на то, что Фрейд использовал термин «либидо» еще в своих первых работах по тревоге конца 1890-х, к этому моменту он все больше подчеркивал количественный аспект либидо. В своем труде «Массовая психология и анализ Я» 1921 г. он отсылается к «количественной величине»¹³ либидо. Проект Фрейда между этими периодами заключался в развитии так называемой экономической модели, в которой Я-либидо или эго-либидо, определенная часть либидо, направляемая на собственное Я, и объект-либидо, включающаяся в катексис часть либидо, в результате выбора объекта направляемая на этот объект (включая других людей), балансируют друг друга тогда, когда одно возрастает при убывании другого.

Но эта балансировка или компенсация не всегда идет на пользу человеку. Трансформация количественно высокого уровня напряжения, вызванного ослаблением либидо в эго, производит неудовольствие. И выражается эта трансформация как болезненная привязанность либидо к объектам внешнего мира. Фрейд резюмирует: «Сильный эгоизм — это защита против возможности заболеть, но в крайнем случае, мы должны начать любить для того, чтобы не заболеть, ведь мы обязательно заболеем если из-за разочарования потеряем способность любить»¹⁴.

Таким образом, любовь представляется своеобразным противоядием от едкого нарциссизма, что соотносится с идеей Лакана о *jouissance*. В Лакане слышатся отголоски Фрейда, когда он в конце 60-х говорит, что «только любовь позволяет *jouissance* снизойти до желания»¹⁵.

---

¹³ Freud, S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XVIII : Beyond the Pleasure Principle, Group Psychology and Other Works. The Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, London. 1921, С.89

¹⁴ Freud, S. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIV : On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works. The Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis, London., 1957, С. 84

¹⁵ Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan. Book X : Anxiety, Trans. by Gallagher, C., 1962-1963, С. 164

1.3. Поздний период

Это период разработки двух фундаментальных антагонистических категорий, Эроса и Танатоса, влечения к жизни или влечения к смерти, которые заменяют место теории либидо после статьи 1920 г. «По ту сторону принципа наслаждения». Но с точки зрения Лакана мы можем поставить под сомнение дуализм, который предполагает такое разделение.

Это сомнение противоречит всей психоаналитической метапсихологии: есть ли место для психического конфликта там, где влечение к смерти – это просто избыток жизни? Как будто бы теория Фрейда должна всегда придерживать место для фундаментального дуализма, оживляющего внутренний конфликт личности – является ли это дуализмом между желанием и защитой; между инстинктом размножения и инстинктом самосохранения; между эго, ид и супер-эго; или между Эросом и влечением к смерти.

Драма конфликта, дуализма лежит в основе этиологии невроза и отражается в той степени, в какой болезненное состояние проявляется у пациента. Действительно, из такого рода конфликта симптом набирает свою силу, удовлетворяя обе стороны этого конфликта, – например, желание и защиту – через формирование компромисса.

В конечном счете Фрейд приходит к убеждению, что борьба между разными мыслями, желаниями и фантазиями – это отражение борьбы между влечениями¹⁶.

Но на заре своей жизни, в процессе написания «Изнанки психоанализа», Фрейд усложняет картину. Как могло показаться изначально, дуализм поддерживается на уровне ид с одной стороны, и на уровне эго/супер-эго с другой стороны. При этом ид безразлично умрет ли человек или будет жить – оно заботится только об удовлетворении; работа эго/супер-эго заключается в контроле и регуляции способов, которые используются для достижения

---

¹⁶ Freud, S. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XI : Five Lectures on Psycho-Analysis, Leonardo da Vinci and Other Works. The Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis, London. 1957, C. 213

необходимого удовлетворения, и, таким образом, оно с необходимостью ограничивает возможное удовлетворение. Вот как Фрейд описывает это разделение в начале своего труда: «Сила ид выражает истинную цель жизни отдельного организма. Она состоит в удовлетворении его врожденных потребностей. Такой цели, как сохранения себя живым или защиты от опасностей посредством тревоги не может быть предписано ид. Это задача эго, которое занимается обнаружением самого выгодного и наименее опасного метода получения удовлетворения, с учетом внешнего мира»¹⁷.

Но то, что оживляет, дает импульс к деятельности ид и эго – это влечения и инстинкты, таким образом выносящие топографию на новый уровень: «Силы, которые, как мы предполагаем, существуют за напряжением, вызванные нуждами ид, называются инстинктами. После длительных сомнений и колебаний мы решили предположить существование только двух основных инстинктов, Эроса и деструктивного инстинкта. Различия между инстинктом самосохранения и инстинктом сохранения вида, равно как и различие между эго-любовью и объект-любовью, находятся внутри Эроса»¹⁸.

Итак, мы имеем дуализм, утвержденный на двух уровнях: психических сущностей – ид / эго, супер-эго, и уровне инстинктов или влечений – Эрос / влечение к смерти.

Но затем Фрейд добавляет нечто необычное: «В биологических функциях два основных инстинкта действуют друг против друга или *комбинируются друг с другом*. Таким образом, акт поедания — это уничтожение объекта с целью его поглощения, а сексуальный акт – это акт агрессии с целью самого тесного союза. Это согласование и взаимность противоположных действий двух базовых инстинктов дает начало всему многообразию явлений жизни»¹⁹.

Было бы слишком просто предположить, что слова Фрейда здесь относятся только к чистому удовлетворению базовых биологических функций, таких как

---

¹⁷ Freud, S. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XXIII : Moses and Monotheism, An Outline of Psycho-Analysis and Other Works. The Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, London. 1964, С. 148

¹⁸ Там же, С. 148

¹⁹ Там же, С. 149

поедание для удовлетворения голода, где на службе у этой необходимости комбинируются два инстинкта. Но если работы Фрейда и учат нас чему-то, то тому, что Фрейд никогда не предписывал дефиниции удовлетворения тривиальное насыщение в качестве компенсации нужды. Удовлетворение кажется ему более проблематичным. Для подтверждения этого мы можем вспомнить о случаях, когда акт, который якобы удовлетворяет нужду, достигает удовлетворения, которое переходит точку возможного удовольствия – оно идет дальше (например, при алкоголизме или компульсивном переедании). Оговорка, которую допускает Фрейд в этом отрывке сильно усложняет общую картину, так как если мы относимся к нему серьезно, это означает, что дуализм по-настоящему поддерживается только на уровне ид / эго, супер-эго; на уровне Эроса / влечения к смерти нет никакой необходимости оппозиции – они могут работать как друг против друга, так и вместе, говорит он. Вот почему мы с точки зрения Лакана можем обосновать тезис о том, что влечение к смерти может быть обнаружено как избыток жизни, коррелируя с избытком жизненной силы, избытком жизни как таковой, что мы можем отнести к чертам *jouissance*.

Вдобавок, Фрейд утверждает, что нам не нужно думать о влечении к смерти только как к инстинкту разрушения: «До тех пор, пока инстинкт [деструктивный инстинкт/влечение] действует внутренне, как инстинкт смерти, он остается безмолвным; мы замечаем его только тогда, когда он оказывается направлен наружу как инстинкт разрушения»²⁰. Это могло бы помочь нам понять то, почему люди, которые оказываются под управлением влечения к смерти в случае избытка *jouissance* не показывают жестокого или непредсказуемого поведения. Они могут разрушать себя без необходимости разрушения других.

Несмотря на то, что об идее влечения к смерти принято говорить как о деструктивном и агрессивном влечении, Фрейд с осторожностью замечает, что «Дело не в антитезисе между оптимистической и пессимистической теорией жизни»²¹. Два основных влечения в гораздо большей степени перемешаны

---

²⁰ Там же, С. 150

²¹ Там же, С. 242

между собой, чем любой упрощенный дуализм может предположить. И это отражается в концепции *jouissance*, которую Фрейд, возможно, пытается артикулировать в дуалистических терминах к концу своей жизни.

1.4. Связь между теорией Фрейда и *jouissance* Лакана

Итак, где во всем этом можно действительно увидеть Лакана? Где мы можем найти его концепт *jouissance* в том поле проблем, которое разрабатывал Фрейд?

Лакан поддерживал диалог с Фрейдом на протяжении всей своей жизни, в разработке понятия *jouissance* используя тот же концептуальный вокабуляр, которым пользовался Фрейд для описания сложных отношений внутри удовольствия, неудовольствия и влечений.

Принцип удовольствия – это отправная точка, и длинная дискуссия о значении этого термина с такими коллегами, как Маннони, Валебрега и Понталис, является основной темой первой части Семинара II.

В Семинаре XIV Лакан задает то, что мы можем воспринимать как основу, лежащую в понятии *jouissance*, то, что это на самом деле. Он заявляет, что *jouissance* – это *усия*, термин, заимствованный из Категорий Аристотеля, обозначающий сущность, связанную с бытием на уровне тела²². И мы знаем, что в этом отношении к принципу удовольствия это описывает как черты, так и лимиты.

Лакан соглашается с фрейдовским определением принципа удовольствия как принципа «наименьшего напряжения, которое необходимо поддерживать, чтобы жизнь существовала», но добавляет, что *jouissance* его превышает.

Нужно отдавать себе отчет, что понятие *jouissance* эволюционирует в ходе работы Лакана, и в ранних Семинарах он не использует этот термин для того, чтобы описать болезненное наслаждение так, как он будет делать это позже. Вместо этого, в Семинарах I, II и III мы в большом количестве столкнемся с

---

²² Lacan, J. The Seminar XIV : The Logic of Phantasy, Trans. by C. Ghallager, 2002, С. 147

отсылками к *jouissance* Господина и Раба, основанных на влиянии интерпретации Кожева учения Гегеля о диалектике Раба и Господина, без сомнения повлиявшей на Лакана. Здесь *jouissance* представлено или как наслаждение, или как право узурпатора над другими. Только в Семинаре VII мы обнаружим *jouissance* как нечто неблагоприятное или даже злое.

Но мы можем увидеть, что даже на этой стадии совершенно ясно, что *jouissance* представляется явлением, принадлежащим телу. Эта идея развивается на протяжении Семинаров, и в Семинаре XIV от 1967 г. мы обнаруживаем, что Лакан начинает позиционировать как место, в котором сконцентрировано *jouissance* не только тело, но также ту область, где фрейдовские идеи Эроса и Танатоса соединяются друг с другом, где они совпадают²³.

Важным для исследования станет положение Лакана о том, что «*jouissance* находится под запретом для говорящего как таковое, поскольку это фундаментальное условие возможности речи»²⁴. Это можно интерпретировать следующим образом: запрет *jouissance* присущ символической структуре языка, а вхождение субъекта в поле Символического обусловлено определенным первоначальным отказом от *jouissance* в комплексе кастрации. Комплекс кастрации, тесно связанный с Эдиповым комплексом и также открытый Фрейдом, для Лакана является внутренней пружиной последнего. «Нет Эдипа без кастрации» – таково его утверждение. Так как кастрация связана с входом в символический порядок, она учреждает разрыв между тем, чем субъект является в реальности и его символическими обязанностями. Важность кастрации заключается в том, что в ходе нее *jouissance* должно быть отвергнуто для того, чтобы достичь его на обратной шкале Закона желания.

Мы должны обратить свое внимание также на понятие запрета [*interdite*], а точнее – на его двойное значение. С одной стороны, *jouissance* запрещено в том смысле, что нечто является барьером, ограждающим субъекта от *jouissance*. Этот барьер в сущности – не Закон, который, без сомнения, играет роль, которую мы

---

²³ Там же, С. 138

²⁴ Lacan J. *Écrits, The Subversion of the Subject and the Dialectic of Desire*, Trans. by B. Fink, N. Y., Norton & Co., 2006, С. 821.

осветим чуть позже, но естественный лимит удовольствия. С другой стороны, *jouissance* меж-сказано [inter-dite], высказано между строк субъектом Закона, то есть субъектом, разделенным между желанием, источник которого – Другой, и наслаждением, содержащимся в Вещи. Это утверждение мы разберем подробнее.

В первую очередь, важно понять, что подразумевается под желанием, источник которого – Другой. Формулируя свою теорию желания, Лакан опирается не только на Фрейда, но и на диалектику Гегеля в интерпретации Кожева. Желание представляет собой негативность, возникающую в поворотный для складывания Я момент. Сперва оно смутно улавливается в другом, а затем соотносится с собственным. Все развитие цивилизации, по Лакану, представляет собой ряд реакций соотнесения собственного желания с желанием другого²⁵. Желание преобразует бытие в объект и с необходимостью разрушает желаемое при его достижении, как утоление голода становится возможно только при уничтожении пищи. Желание образует субъективную реальность, в которой рождается самосознание, но желание это с необходимостью должно быть направлено на неприродный объект, поскольку желание природного позволяет достичь лишь самоощущения. Человеческое Я производится желанием, предметом которого является другое желание. И общественность людей как биологического вида обуславливается именно этим фактом, также предполагая, что желаний много. «Человеческая история — это история желаемых желаний»²⁶. Общественная реальность навязывает желание, например, некоего знака отличия потому, что он является предметом желания других, и это желание совершенно не соотносится с жизненно важной необходимостью на манер той, какая есть в животном мире. Напротив, человеческое желание может пересиливать даже инстинкт самосохранения. С другой стороны, человек, приобщаясь к желаемому, сам становится объектом желания другого, поскольку теперь его существование сообщается с данной ценностью. Важно отметить то,

---

²⁵ Дьяков А.В. - Жак Лакан. Фигура философа. М.: 2010., С. 157

²⁶ Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб : Наука, 2003, С. 15

что при таком раскладе желание всегда сводится к желанию признания. Быть признанным значит существовать.

Важной функцией Закона является регуляция желания, которую репрезентирует Эдипов комплекс. «Наслаждайся мало» — вот призыв принципа удовольствия, и он поддерживает субъекта на безопасной дистанции от Вещи. Понятие Вещи также корнями уходит в Эдипов комплекс, являя собой потерянный объект желания, доисторический Другой, объект инцестуозного желания, мать. Вещь представляется субъекту как его абсолютное Благо, но, когда (если) субъект нарушает принцип удовольствия и достигает этого Блага, оно воспринимается как страдание, зло, поскольку субъект «не может вынести этого крайнего Блага, которое может Вещь принести ему»²⁷. Таким образом, *jouissance*, не подчиняющееся принципу удовольствия и все же достигающее Вещи, возвращает состояние, предшествующее кастрации, что неприемлемо для социума. Впрочем, как правило, Вещь не является доступной субъекту.

Важно помнить, что отношения желания и Закона суть диалектические, поскольку с одной стороны Закон навязывает желанию его лимиты, но с другой стороны и аккумулирует желание в полном смысле, осуществляя важную функцию – создание запрета.

Впрочем, после Семинаров 1959-60 гг., понятие Вещи практически полностью исчезает из терминологии Лакана. Несмотря на это, идеи, с которыми оно ассоциируется обеспечат существенные черты в развитии нового концепта, «объекта малое *a*», разрабатываемого с 1963 г.

Итак, поскольку *jouissance* меж-сказано, попытка его выражения в языке с неизбежностью шифрует высказываемое. Именно понятие шифровки приведет Лакана к рассмотрению статуса *jouissance* в различных модальностях, в том числе и как прибавочное, заключающееся в объекте *a*.

---

²⁷ Lacan, J. The Seminar. Book VII. The Ethics of Psychoanalysis, 1959-60. Trans. Dennis Porter. London : Routledge, 1992, С. 73

ГЛАВА 2. МОДАЛЬНОСТИ JOUISSANCE

Лакановский психоанализ часто ассоциируется со структурализмом, лингвистикой, и подавляющим значением означающего и языка в целом в понимании бессознательного. Действительно, невозможно полностью понять тезисы Лакана без оценки роли языка и речи в психоанализе. Тем не менее, лакановский субъект гетерогенен, он возникает из эффектов утверждения означающего и существует внутри логики их развития. Этот, более широкий контекст понимания субъекта часто упрощается, и, в результате, инновационная природа значимых лакановских концептов, таких как *jouissance*, часто упускается из виду.

Jouissance, при поверхностном изучении, истолковывается как «нечто наподобие оргазма» или «нечто вроде удовольствия», в то время как Лакан акцентирует внимание на роли означающего, занимающего центральную позицию в определении. К сожалению, это недопонимание затеняет важный пересмотр Лаканом биологической и психологической структуры строения влечения. По мере того, как мы углубляемся в корпус Лакана, становится ясно, что его *jouissance*, объект *a*, означающее, Реальное, Воображаемое и Символическое доводят антиномию тела и сознания до ее предела. Нет сомнений в том, что теоретические нововведения Лакана оживляют психоаналитическое поле и их невозможно распознать, если не отказаться от рассмотрения языка как монолита, который просто доминирует над субъективностью.

Обнаружив *jouissance* как парадоксальное наслаждение в симптоме у пациента, мы можем иллюстрировать эту антиномию. Человеческое тело принято описывать в терминах биологии и механики. Адаптирующееся, крайне функциональное и «прозрачное» для познания, в какой-то момент оно, тем не менее, теряет свою рациональность. Вместо того, чтобы быть целенаправленными, последовательными организмами, человеческие субъекты часто проявляют себя как неоправданно иррациональные, их желания бывают направлены против их собственных интересов. Одни находят удовольствие в

постоянных жалобах, других тянет к объектам, неспособным удовлетворить их желание, у третьих чувство долга приобретает саморазрушительный характер.

Можно считать, что симптомы пациента частично основаны на этих аномальных удовольствиях, которые совсем не приносят ему выгоды. Именно здесь кроется *jouissance*. Попытка просто устранить симптом, отстаиваемая в некоторых психотерапевтических кругах, оставляет отношение субъекта к этому *jouissance* нетронутым. Но Лакановский психоанализ, напротив, признает и проблематизирует причинность и последствия *jouissance* для субъекта.

Jouissance не принадлежит согласованной сети означающих, которая доступна пациенту – оно отражает сложность между субъектом и телом, сложность, которая создает определенный избыток. Как со многим у Лакана, мы не можем говорить о полном понимании *jouissance* без учета его неразрешимых отношений с Другим. *Jouissance* не может быть теоретизирован через категорию аффекта, но наиболее фундаментальным образом мы можем рассмотреть его в связи с тремя регистрами: Воображаемого (I), Символического (S) и Реального (R), отображенными в Борромеевом узле ниже²⁸.

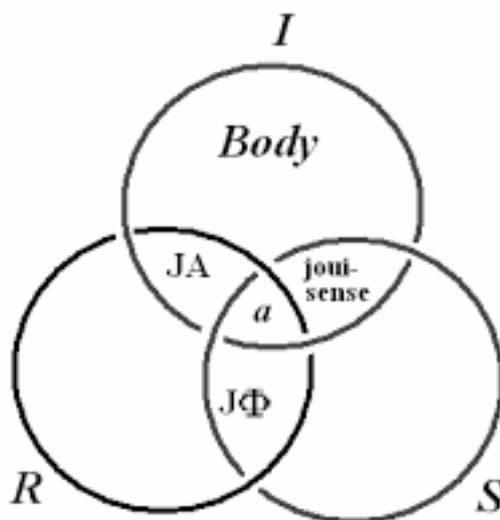

Схема 1

---

²⁸ Lacan, J. *La troisième*. Rome, Trans. Yolande Szezech, 2013, С. 37

Примечательно, что эти три регистра окружают центральный объект *a*, который, между тем, отделяет *jouissance* тела (JA) от фаллического *jouissance* (JФ).

Для наиболее полного понимания логики модальностей *jouissance* нам необходимо остановиться на самом смысле регистров Борромеева узла, отсылающего к структуре, существующей в каждом говорящем субъекте. Связанность этих регистров необходима для того, чтобы субъект мог иметь константу реальности, и, через нее, поддерживать дискурс и связь с окружающими. Посредством структуры узла каждый из регистров связан с другими так, что, если один освобождается, другие освобождаются следом, что является существенным качеством этой структуры. Борромеев узел также важен для понимания языка и его критического влияния на субъект.

Каждое из этих колец перекрывается другим, образуя свои точки пересечения. Различные формы завязывания отсылают к различным структурам субъективности. Таким образом, с точки зрения Лакана психическая структура субъекта должна пониматься как особая форма, в которой связан Борромеев узел.

Мы предлагаем дать краткую характеристику каждому из регистров. Регистр Воображаемого соотносится со стадией зеркала и отмечает движение субъекта от первичной потребности (*need*) к требованию (*demand*). Как показывает связь со стадией зеркала, Воображаемое в первую очередь нарциссично, хотя оно и закладывает основу для фантазмов и желаний. Принимая во внимание то, что потребности могут быть удовлетворены, требования, по определению, являются неудовлетворимыми; другими словами, мы уже входим в область того недостатка, который определяет человеческий субъект.

Как только ребенок начинает осознавать, что его тело отделено от мира и его матери, он начинает испытывать тревогу, вызванную ощущением потери. Таким образом, требование ребенка состоит в том, чтобы сделать другого частью себя, вернуться в потерянное для ребенка природное состояние. Стадия зеркала соответствует этому требованию, поскольку ребенок в своем отражении

неправильно распознает свою стабильную, целостную самость, которая, однако, не соответствует реальному ребенку. Образ – это фантазм, который аккумулирует ребенок, чтобы компенсировать чувство отсутствия, которое Лакан называет «идеальным эго». Этот образ себя могут заполнять другие, которым ребенок, возможно, захочет подражать в жизни в будущем, любой, кого он устанавливает для себя как зеркало.

Следует помнить, что для Лакана это Воображаемое продолжает оказывать влияние на всю жизнь взрослого и не просто заменяется движением ребенка в поле Символического. Воображаемое и Символическое, согласно Лакану, неразрывно связаны и работают в согласованности.

В то время как поле Воображаемого – идентификация и сравнение, поле Символического – язык и нарратив. Как только ребенок обучается языку и принимает правила и требования общества, он может общаться с другими. Согласно Лакану, принятие правил языка согласуется с Эдиповым комплексом. Символическое возможно благодаря принятию законов и ограничений, которые контролируют как желания, так и правила общения. «Имя Отца поддерживает символическую функцию, которая с незапамятных времен отождествляла его личность с фигурой закона»²⁹. Признание Имени Отца – билет на вхождение в общество других. Символическое, через язык, связывает субъекты вместе в одном действии. Таким образом, культура и Символическое навязаны природе. Субъект получает доступ к символическому ценой символической кастрации. Впрочем, хоть и обмен означающими в речи является очевидным примером символического обмена, Символическое Лакана не просто синонимично с языком, его следует понимать как составляющую всю область культуры.

Одной из важных черт Символического поля является его соотношенность с бессознательным как дискурсом Другого,³⁰ который, таким образом, полностью принадлежит символическому порядку. Символическое – это сфера Закона, который регулирует желание в Эдиповом комплексе. Это царство

---

²⁹ Lacan J. *Écrits* : the first complete edition in English. New York : W.W. Norton & Company, 2002, С. 278

³⁰ Там же, С. 16

культуры, а не воображаемый порядок природы. В то время как Воображаемое характеризуется дуалистичными отношениями, Символическое – триадными, потому что межсубъективные отношения всегда опосредованы большим Другим.

Большой Другой обозначает радикальную инаковость, которая превосходит инаковость Воображаемого, поскольку ее нельзя ассимилировать через идентификацию. Другой приравнивается к языку и Закону.

Под регистром Реального понимается то, что не относится ни к Символическому, ни к Воображаемому. Точнее, Реальное противоположно Воображаемому и находится вне Символического. Реальное – это также часть реальности субъекта, однако оно никогда по-настоящему не известно. Изначальное Реальное – в до-Эдиповом субъекте, в то время как уже на Стадии зеркала субъект интегрируется в воображаемый порядок, теряя непосредственную связь с Реальным. Очевидно, что в первом случае Реальным является непрерывная реальность без категорий и дифференциальной функции языка, однако после символической кастрации Реальное может восприниматься только как травмирующие пробелы в символическом порядке.

Итак, завершив краткое знакомство с регистрами, рассмотрим те модальности *jouissance*, которые возникают на их пересечениях. Начнем с фаллического *jouissance* (ЖФ). То, что Лакан называет фаллическим *jouissance* находится на пересечении Символического и Реального, и, таким образом, участвует во взаимодействии обоих регистров.

Фаллическое *jouissance* тесно связано с кастрацией. Комплекс кастрации, заключающийся в отказе субъекта от попыток стать воображаемым фаллосом для матери, вводит субъект в Символическое, изгоняя его из Реального. Говорящее существо перенимает означаемые от Другого, у этого есть следствие: эффект отсеивания любого полного *jouissance* Другого. Знак запрещает *jouissance* тела Другого. Таким образом, полное *jouissance* запрещено тому, кто говорит. Кастрация *jouissance*, отсутствие *jouissance* – постоянная для субъекта. Первичная потеря происходит тогда, когда взаимное удовлетворение,

существующее между ребенком и Другим, матерью, нарушается. Ребенок при необходимом отсутствии матери погружается в состояние беспомощности. Субъект открывает свою неспособность быть «одним и единственным» для Другого, возникает вопрос: «Что хочет Другой, чего я не могу предложить?». Желание Другого, которое не может быть исполнено, открывается в кастрации материнского Другого.

С осознанием невозможности удовлетворения влечений или требований субъекта, он переходит в состояние вечно желающего – это пожизненный приговор.

Эта первичная потеря *jouissance* посредством Другого, впрочем, ни что иное как миф. *Jouissance* «фрейдовской Вещи», которое вписано в тело как следы, и, следовательно, является *jouissance* тела, не может быть названо – потому оно и остается мифом. Это «*jouissance* Вещи» может быть выведено только ретроспективно, после разделения субъекта означающими. Субъект не может получить доступ к этому *jouissance*, потому оно невозможно.

«В *jouissance* должно быть отказано, чтобы достичь его на обратной шкале закона желания»³¹. *Jouissance* становится возможно при условии денатурализации, фильтрации сквозь язык. Кастрация, таким образом – жертва, совершенная через означивание. Означивание – всегда недостаток, к нему всегда привязано что-то негативное. Основным эффектом означивания является подавление вещи, в которой, как мы полагаем, находится полное *jouissance* (в отличии от фаллического или ‘частичного’). Как только совершилось означивание, *jouissance* не может быть полным. Фаллос, таким образом — это знак недостатка.

Находясь на пересечении Реального (невозможного, непроницаемого для означающего) и Символического (языка, закона, культуры), фаллическое *jouissance* не принадлежит регистру Воображаемого, который идентифицируется с телом, поскольку вызван означающим, это «вне-телесный *jouissance*». Такое фаллическое *jouissance* мы встречаем на аналитической сессии: сексуальность

---

³¹ Там же, С.311

субъекта в анализе передается через язык, то есть сеть означающих. Фаллическое *jouissance* дополняет нехватку *jouissance* тела, которое в своем статусе *jouissance* Другого потеряно для говорящего существа.

Таким образом, *jouissance* говорящего существа – это *jouissance* означающего; это семиотическое и фаллическое *jouissance*. Нужно понимать, что оно присутствует у субъектов как мужского, так и женского пола.

В 70-х, после разработки понятия фаллического *jouissance*, Лакан начинает описывать новую модальность, во многом противопоставленную предыдущей. В Семинаре XX Лакан впервые выдвигает на первый план различие между мужским и женским *jouissance*. Несмотря на то, что попытка артикуляции различия предпринималась им еще в 1958 году, только в Семинаре XX Лакан впервые заговорил о качественно ином типе женского *jouissance*.

Итак, *jouissance* Другого или женское *jouissance* (ЖА), находящееся на пересечении регистров Реального и Воображаемого, является *jouissance* тела. Оно лежит вне Символического, вне языка, и, таким образом, является невыразимым в речи. Субъект, осознающий себя как объект желания Другого, не способен знать о том, что именно приводит в движение *jouissance* Другого. Оно недоступно для схватывания и переживания, и, таким образом, является, в своей сути, лишь предположением, фантазмом, чем-то воображаемым и недоступным для понимания. Оно принадлежит Реальному.

Оговоримся, что под женским *jouissance* нельзя подразумевать то, что обладание *jouissance* ограничено женщинами или что каждая женщина обладает им. Как и в случае с фаллическим *jouissance*, наименования, ассоциирующиеся с полом, содержат в себе некоторую условность, которую не стоит понимать дословно. Ключевым для понимания условности этого разделения становится понятие сексуации. Сексуация, говоря максимально обобщая – это распознавание пола в бессознательном, кульминация идентификации. Здесь мы сталкиваемся все с той же кастрацией, посредством которой субъект, как мы уже установили, входит в культуру и отрекается от своего положения при матери, что справедливо в равной степени как для мальчиков, так и для девочек. Здесь нам

важна роль фаллоса как означающего, маркера фундаментального недостатка. Мальчик, через идентификацию с отцом становится обладателем фаллоса, а девочка – отрекается, идентифицируя себя с матерью как объектом желания или в качестве субъекта, способного получить фаллос другого.

Более подробно мы рассмотрим логику сексуации через формулы, которые Лакан предлагает в Семинаре XX (Encore).

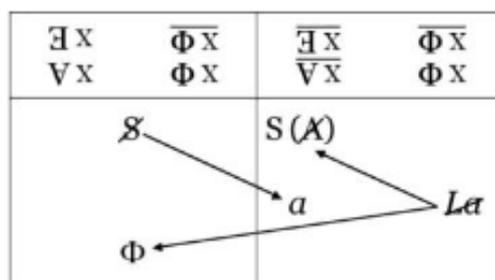

Схема 2

Схема разделена на правую и левую части. С левой стороны мы можем наблюдать расщепленный субъект $\$$ (субъект, разделенный языком) и фаллическую функцию Φ . С правой стороны: S (субъект) в связке с расщепленным Другим, A (прошедшее процедуру кастрации, неполноценное, отмеченное отсутствием, в отличие от полного и некастрированного Другого, A , которого не существует постольку, поскольку Другой находится в области означивания), объект малое a (недоступный объект желания, то, что аккумулирует желание), La (расщепленная Женщина, Женщина, которой ‘не существует’)³². Стандартные логические кванторы $\forall$ и $\exists$ означают, соответственно, общность и существование. Φx – фаллическая функция (кастрация).

Начнем с верхней стороны левой части схемы. $\forall x\Phi x$, $\exists x\neg\Phi x$ – «все говорящие субъекты – субъекты фаллической функции (кастрации и желания), кроме одного, не-кастрированного изначального Отца, имеющего доступ ко всем

³² Lacan, J. *Television : A Challenge to the Psychoanalytic Establishment*, ed. Joan Copjec, trans. Denis Hollier, Rosalind Krauss and Annette Michelson, 1990, New York : Norton. С. 60

женщинам. С правой стороны: $\neg\exists x\neg\Phi x$, $\neg\forall x\Phi x$ – не существует ни одной женщины, которая не прошла бы через фаллическую функцию. Женщина не является цельной в том смысле, что не существует всеобщей Женщины, являющейся суммой для всех, и в том смысле, что как только женщина провозглашается не-всем, существует только расщепленная женщина. Женский пол невозможно символизировать так, как мужской³³. Женщина имеет отношение к Другому (А), поскольку он расщеплен. Каждая женщина, как говорящее существо, должна пройти через означивание. Однако не все женщины подчинены этому означиванию. Таким образом, женщина имеет возможность переживания *jouissance*, которое не является фаллическим. Это Другое *jouissance*, другой вид удовлетворения, связанный с отношением к Другому.

Другое *Jouissance*, находящееся вне фаллического *jouissance* и даже кастрации, «добавочное *jouissance*»³⁴, близко к религиозному экстазу или мистицизму, это *jouissance*, о котором сам/а женщина (или мужчина) не знает ничего, кроме того, что он/а его переживает³⁵. Лакан дает несколько примеров такого типа *jouissance* у таких мистиков как Хадевейх Антверпенская, Святой Иоанн Крест и Святая Тереза, таким образом соотнося женское *jouissance* с Богом. «Разве это не *jouissance*, которое человек испытывает и о котором ничего не знает, что ставит нас на путь существования? И почему бы не истолковать одно лицо Другого, лицо Бога, как основанное на женском *jouissance*?»³⁶.

В довершение установим, что границы гендерного разделения можно назвать весьма подвижными. Биологический мужчина может психически позиционировать себя в женском положении и наоборот. Теория сексуации не влечет за собой четкого разграничения и фиксации границ феминности и маскулинности. Сексуация Лакана – это бессознательный выбор обоих членов гендерного разделения, выходящий за границы биологической детерминации.

---

³³ Lacan, J. Geneva lecture on the symptom, 1975, Melbourne : Centre for Psychoanalytic Research, trans. by Russell Grigg, 1989, С. 11-12

³⁴ Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan, Book XX : Encore. On Feminine Sexuality, the Limits of Love and Knowledge, New York: Norton, 1998, С. 73

³⁵ Там же, С. 74

³⁶ Там же, С. 165

Таким образом, женское *jouissance* – не *jouissance* биологических женщин, однако в последствии это обособление было воспринято теоретиками феминизма и стало предметом дискуссии в рамках феминистской теории.

После описания женского *jouissance* в *Encore*, Лакан больше не возвращается к нему и никогда не упоминает его снова. Очевидно, что никакой диалектики между этими двумя видами *jouissance*, фаллическим и женским, невозможно представить, они ассиметричны, не противопоставлены по-настоящему, они не соотносятся друг с другом, что, возможно, отсылает нас к идее о том, что сексуальных отношений не существует.

Итак, на схеме Борромеевого узла остается меньше непонятных мест. Следующее, *joui-sense* (*jouis-sens*) – это то, чего мы еще ни разу не касались. Так называемое «наслаждение смыслом» находится на пересечении Воображаемого и Символического, утверждая закон означающего и полностью избегая Реального. Как особый вид *jouissance*, *jouis-sens* опосредован языком не как языком в обыденном понимании (т.е. как intersубъективной и транссубъективной системой осмысленных знаков, как связи означающих с означаемым, применяемой в обмене между сознательными говорящими существами), но как *й*язык (*lalangue*), описываемый чаще как материнская речь или лепет (т.е. еще не полностью осмысленные или бессмысленные означающие, отделенные в означаемых, чья акустическая или графическая материальность способствует ассоциативному обмену психическим содержанием, выходящим за пределы описанной сферы общего «смысла», консенсус-реальности). Этот *й*язык является двигателем бессознательного, он – место, откуда бессознательное берет свои корни. Язык, на ранних стадиях взаимодействия матери с ребенком, вмещивается в форму коммуникации и, в конечном счете, полностью подавляет любые другие описанные ранее процессы, однако сам *й*язык не исчезает бесследно. Можно сказать, что он совершенно не исчезает, поскольку бессознательное не перестает быть «сделанным» из *й*языка. Свой концепт *й*языка Лакан представляет вниманию публики на Лекции в Женеве в 1989 году.

Бессознательное, утверждает Лакан – это «знание того, как обращаться с языком». Таким образом, сама практика психоанализа, основанная на свободных ассоциациях, стремится пробиться сквозь кажущуюся целостность языка, чтобы подчеркнуть несоответствия и пустые места, существующие в речи говорящего существа. Язык бессознательного, проявляющийся в самых неподходящих и наименее ожидаемых ситуациях, обеспечивает тот самый *jouissance*. Можно сказать, что лингвистический код сам по себе понимается как *jouissance*, так как его коммуникативная ценность становится вторичной. Так как означающее оказывается отделено от означаемого, *jouissance* речи, лепета, таким образом, нуждается в пространстве, отделенном от значения речи. Таковым и является язык.

Как мы можем наблюдать, *jouissance* говорящего существа денатурализуется через операцию языка, соприкасаясь с Символическим, однако фаллическое *jouissance* и *jouis-sens* для психоаналитика представляют большой интерес, поскольку могут быть доступны, выражаясь аналитически, через процесс их дешифровки в поле Символического.

Окольцованный тремя регистрами, находящийся на пересечении Реального, Символического и Воображаемого и «зажатый» между тремя описанными нами видами *jouissance*, остается объект малое *a*. Для того, чтобы прояснить положение и смысл объекта *a* в логике *jouissance*, мы предлагаем ввести еще одну схему³⁷.

A	S	X
a	<i>A</i>	angoisse
§		désir

Схема 3

³⁷ Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan. Book X : Anxiety 1962-1963., Trans. by Gallagher, C., С. 159

Как можно наблюдать, в Семинаре X Лакан рассматривает *jouissance* в связи с операцией расщепления субъекта и диалектикой с желанием. В этом разделении, граница между означающими и желанием Другого проложена через процесс субъектификации, с тревогой (*angoisse*) на промежуточном уровне. Расщепление касается и перечеркнутого А ($\bar{A}$), Большого другого, это расщепление субъектом, который указан как числитель (S). Большой другой перечеркнут, поскольку, как и расщепленный субъект ($\bar{S}$), он пройден через кастрацию, он неполноценен и отмечен отсутствием, в отличии от цельного, непротиворечивого и некастрированного Другого, которого не существует.

Первой стадией расщепления является стадия мифического *jouissance* (*jouissance* Вещи), которое отмечено как X на Схеме 3. В этот период как некастрированный субъект, так и некастрированный Другой создают связь с первым означающим желания Другого. Как мы ранее упоминали, эта связь влечет за собой вопрос «Что Другой хочет от меня?» в тех формах коммуникации, которыми субъект и Другой общаются. Этот вопрос является источником тревоги, это второй логический этап, названный Лаканом «моментом тревоги».

Этот момент тревоги производит объект малое *a*, являющийся, своего рода, остатком этого деления. На этой стадии именно субъект является тем объектом *a* для Другого, которому его не хватает. Результатом такого разделения является расщепленный Другой, который более не может не быть лишенным своего объекта *a*.

Субъект же, после прохождения позиции объекта *a* для Другого, в конечном итоге сам оказывается разделен первыми означающими, исходящими от Другого. Это логическая ступень разделения создает, через тревогу, переход от *jouissance* субъекта к его желанию. И причиной этого желания является объект *a*.

Подытоживая, модальностями *jouissance* являются:

А) фаллическое *jouissance* (JФ), расположенное на пересечении Символического и Реального;

Б) jouissance Другого / женское jouissance (JA), расположенное на пересечении Реального и Воображаемого;

В) jouis-sens, наслаждение смыслом, находящееся на пересечении Воображаемого и Символического;

Г) jouissance Вещи или мифическое jouissance, недоступное субъекту после его расщепления.

ГЛАВА 3. SURPLUS JOUISSANCE КАК ПРОДУКТ ДИСКУРСА

В Семинаре XVI (1968 – 1969) Лакан сравнивает объект малое *a* с марксистским концептом прибавочной стоимости (*surplus value*)³⁸. Объект *a*, который ценится субъектом наиболее высоко, можно соотнести с золотым стандартом, стоимостью, в соотношении с которой были соотнесены все другие ценности (валюты, драгоценные металлы, камни и т.д.). Для субъекта это та ценность, которую он или она ищет во всех своих действиях и взаимоотношениях.

Прибавочная стоимость соотносится с количеством того, что в капитализме называется «интересом» или «прибылью»: это то, что капиталист берет себе вместо того, чтобы отдать рабочим (также это называется «реинвестирующим капиталом» и многими другими эвфемизмами). Это, говоря общо, тот самый плод труда работника. Когда в юридических документах, написанных на американском английском языке, говорится о том, что у кого-то есть право «узуфрукта» определенной части собственности или суммы денег, находящейся в доверительном управлении, это означает, что у этого человека есть право получать прибыль, которая генерируется собственностью. Таким образом, это право не столько владения, сколько «наслаждения». В бытовом французском мы могли бы сказать, что у этого человека есть *jouissance* собственности. В более точных терминах французской бухгалтерии это означало бы, что он или она наслаждается не землей, постройками или капиталом как таковым (буквально, «голой собственностью»), но просто ее избыточными плодами, тем, что она продуцирует выше и сверх того, что требуется для возмещения расходов на содержание, культивирование и т.д. – другими словами, эксплуатационных расходов. Нужно обратить внимание на то, что в юридическом жаргоне *jouissance* по смыслу приближено к владению.

---

³⁸ Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan. Book XVI : From an Other to the other : 1968-1969, Trans. by Gallagher, C., C. 19

Сотрудник, обычный рабочий никогда не наслаждается этим избыточным продуктом: он или она «теряет» его. Рабочий процесс производит отчуждение субъекта (S), одновременно производя убыток (a). Капиталист, как Другой, наслаждается избытком продукта, и, таким образом, субъект находит себя в незавидном положении, работая ради наслаждения другого, жертвуя себя для *jouissance* Другого.

Как и прибавочная стоимость, *surplus jouissance* (*plus de jouir*) может быть рассмотрено как циркулирующее вне субъекта и Другого. Для того, чтобы понять суть *surplus jouissance* мы рассмотрим его в логике теории дискурсов, разработанной Лаканом в XVI, XVII, XVIII и XIX семинарах. Она включает в себя пять характеризующих дискурсов: дискурс господина, дискурс университета, дискурс истерика, дискурс аналитика и капиталистический дискурс, являющийся своего рода «улучшенной» версией дискурса господина.

Мы не будем останавливаться на подробном разборе каждого из дискурсов, для нас важны лишь ключевые моменты теории, соотносящиеся с логикой формирования и функционирования *surplus jouissance*. В Семинаре XVII (1969-1970) Лакан дает обширную характеристику первым четырем дискурсам, тогда как на лекции в Миланском университете 1972 г., названной «*Du discours psychanalytique*», Лакан приводит единственную структурно отличающуюся модель дискурса, капиталистического дискурса. Несмотря на то, что во многом она соотносится с предыдущими моделями, она не может рассматриваться как один из вариантов в серии дискурсов, и потому должна быть рассмотрена отдельно. Нарушая структуру, капиталистический дискурс «мутирует» из дискурса господина.³⁹

Теорию дискурсов Лакана, тем не менее, следует понимать по большей части как формальную систему, отражающую определенные модели фундаментальных взаимоотношений, выливающиеся в определенные социальные связи. Сам по себе дискурс пуст, он состоит из структуры,

---

³⁹ Lacan, J. On Psychoanalytic Discourse, Milan : Lacanin Italia, 1972, С. 40.

детерминирующей содержание, которым он в последствии наделяется. Каждый дискурс, включая капиталистический, состоит из четырех позиций, они состоят в фиксированных отношениях по отношению друг к другу (Схема 4)⁴⁰.

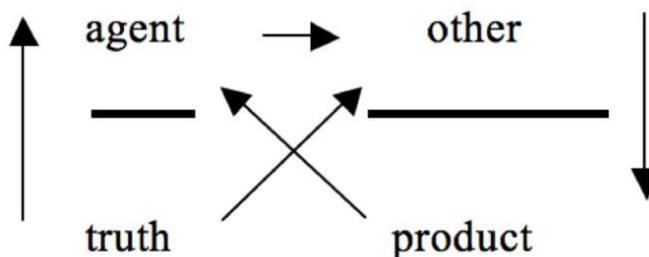

Схема 4

Каждый дискурс начинается с чьей-то речи, и тот, кто говорит, называется агентом (agent). Тот, с кем говорит агент – другой (other). Это базовые элементы, содержащиеся в любой теории коммуникации, и дискурс, в первую очередь отражающий именно коммуникативный аспект того, что называется человеческими взаимоотношениями, также не обходится без этих фундаментальных составляющих.

В ходе этого базового отношения говорящего к другому, где речь говорящего преследует определенную цель, формируется продукт (product), определенный результат коммуникации. Последняя позиция, истина (truth), отсылает нас к психоаналитическому прочтению коммуникативного процесса, истина – это то, что дает толчок к формированию дискурса, это то, с чего начинается речь и то, что составляет ее сущность, зачастую неизвестную самому говорящему субъекту. Этот скрытый элемент мотивирует действия агента и порождает возможность социальных связей, отображенных в верхней части схемы. Стрелка, направленная вверх отображает это отношение истины и агента.

У введения этой инстанции движущей силы дискурса есть последствия: коммуникативная последовательность дискурса нарушается. Так, истина не

⁴⁰ Составлено по: Lacan J. The Seminar of Jacques Lacan, Book XVII, The Other Side of Psychoanalysis. New York; London: W.W. Norton. 6 1969-1970, С.93, 196, Lacan J. Du discours psychanalytique, in Lacan in Italia, 1953-1978. En Italie Lacan, ed Contri G. B., С. 40

транслируется агентом через сообщение, направленное другому, которое в последствии превращается в продукт, возвращающийся к агенту. Истина дается другому без прямого посредничества агента. В теории Лакана не существует истины, которую легко переложить в слова. Полная вербализация невозможна, поскольку первичное подавление оставляет истину вне царства языка. Никогда полностью не высказанная, истина заставляет говорящее существо говорить бесконечно, замыкает его в попытке вербализировать невербализируемое. Это, кроме того, превращает каждый дискурс в вечный двигатель. Будучи открытой структурой, отмеченной невосполнимой нехваткой, он вращается без надежды на финальную реализацию.

Боковая стрелка, направленная вниз, отображает, что несмотря на то, что агент не адресует другому истину, у этого обращения существует эффект – продукт. Продукт питает агента, но не сообщается с истиной, которая приводит все в движение⁴¹. И в этом смысле если продукт и удовлетворяет какую-то нужду агента, то только нужду сфабрикованную.

Семинары XVIII и XIX предлагают посмотреть на устойчивую структуру дискурса под другим углом (Схема 5)⁴². Переименовав свою схему, Лакан заменяет «агента», «другого» и «продукт» на «видимость» (semblance), «jouissance» и «surplus-jouissance». Неизменными остаются их отношения и «истина».

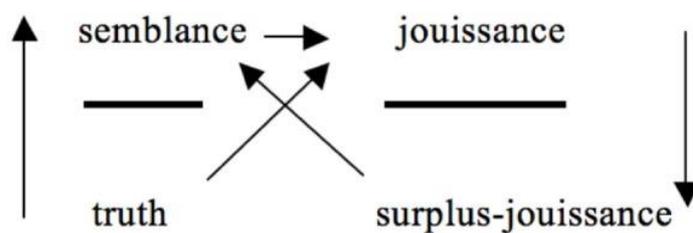

Схема 5

⁴¹ Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan. Book XVII: The Other Side of Psychoanalysis, 1969-1970, Trans. by Gallagher, C., C. 258

⁴² Составлено по Lacan, J. ...or Worse: The Seminar of Jacques Lacan, Book XIX 1971-1972, C.67, 193, Lacan J. Du discours psychanalytique, in Lacan in Italia, 1953-1978. En Italie Lacan, ed Contri G. B., C. 40

Замена агента на видимость подчеркивает то, что дискурс разворачивается, когда кто-то подделывает позицию по отношению к другому; видимость – это базовое понятие, с помощью которого экономика дискурса регулирует себя. Видимость принадлежит внешнему и, (здесь Лакан не оригинален) находится в противопоставлении к сущности. Видимость принадлежит Воображаемому, это своеобразный мир внешнего, который, впрочем, отделен от Символического. Видимость – очень важная составляющая социальных взаимоотношений. «Дискурс как таковой – это всегда дискурс видимости»⁴³. В самом явлении видимости, определенного представления, лежит определенное удовольствие, это удовольствие притворяться (*faire semblant*). Так, дискурс господина становится возможен в том числе потому, что некто или нечто создает определенную видимость: встает в позицию отдающего приказу.

Стоящий на месте другого, *jouissance*, которого стремится достигнуть агент, находящийся в позиции видимости, как мы ранее отмечали, не способен достигнуть полного *jouissance*, поскольку в самой логике желания заключен момент бесконечного повторения, когда полное *jouissance* недоступно. *Jouissance* на схеме определяется скорее как нечто негативное, как нечто тревожное в опыте субъекта, делающее его неспособным ощущать себя как самодостаточную наслаждающуюся сущность. Однако саму невозможность полного *jouissance*, того, что Фрейд называл «*die primäre Befriedigungserlebnis*», не стоит воспринимать как нечто радикально отрицательное. И верхняя часть дискурса сама по себе не является чем-то заведомо негативным, так как неспособность достижения *jouissance*, который достигается всегда через другого, к чему отсылает нас схема, обладает защитной функцией. Действительно, полное *jouissance* трансгрессивно, оно бессмысленно и переступает рамки закона, оно делает возможным доступ к Реальному за пределами Символического. Именно поэтому *jouissance* неправильно переводить как «наслаждение», поскольку это не наслаждение в собственном смысле, так как, переступив Символический закон, субъект выпадает из рамок его экономики желания и больше не может

---

⁴³ Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan: Book XIX: ...Or worse, 1971-1972, Trans. by Gallagher, C., C. 176

наслаждаться. Правильно воспринимать *jouissance* не только и не столько как наслаждение, но и как боль и страдание.

Такое трансгрессивное *jouissance* можно назвать «переживанием фантазма». Когда субъект понимает, что фантазм – это просто способ поддержать желание, которое никогда не может быть полностью удовлетворено, он осознает, что сам Другой расщеплен ($S(A)$, означающее фундаментальной нехватки в Другом). Однако в позднем периоде развития теории Лакана встречались пациенты, которые все чаще «проходили через фантазм», осознавали, что он служит только для поддержки желания, и, таким образом, могли дистанцироваться от него. И тем не менее, их симптомы все еще сохранялись, пациенты продолжали сознательно строить свои фантазмы, которые, как они были полностью осведомлены, никогда бы не смогли удовлетворить их желания. Для таких пациентов сам симптом переставал быть чем-то отрицательным, напротив они наслаждались своим симптомом. Это привело Лакана к формулировке нового неологизма для парадоксального *jouissance*: *sinthome*. «Симптом как *sinthome* – это некое примечательное образование, пронизанное *jouis-sens*: оно является означающим как носителем *jouis-sens*, наслаждение-смыслом»⁴⁴. В этом неудовольствии симптома как такового, в неудовольствии невозможности достижения полного *jouissance*, раскрывается удовольствие, *jouissance*, которое можно назвать парадоксальным⁴⁵.

Суммируя, полное *jouissance* является чрезвычайно разрушительным. Это измерение инаковости, с которым субъекту так или иначе приходится соприкасаться. Действительно, сама идея того, что нам приходится иметь с этим дело свидетельствует о дискурсе; то есть о том факте, что мы относимся к *jouissance*, обращаясь к агенту/видимости, который, как ожидается, сможет усмирить его: *jouissance* вызывает мобилизацию видимости. Корень *jouissance*

---

⁴⁴ Žižek, S. *The Sublime Object of Ideology*, 2009, Verso, С. 75

⁴⁵ Там же, С.202

находится в структурно дисфункциональном статусе, который определяется телесными ограничениями человеческого организма.

Нехватка в символическом порядке, нехватка в Другом, которая и обозначает нехватку *jouissance*, создает область, куда приходят объекты, заменяя отсутствующее *jouissance* и создавая связь между символическим порядком и *jouissance*.

Обычно разделенный субъект защищен и от опасности переживания полного *jouissance*, полного исчезновения в Другом и прекращения своего существования как субъекта. В этом смысле четыре дискурса – это четыре различных способа, с помощью которых субъект может занять позицию по отношению к фундаментальному провалу принципа удовольствия – на верхнем уровне, и четыре разных способа избегать *jouissance* – на нижнем уровне. Таким образом, каждый из четырех дискурсов демонстрирует определенное желание и его невыполнение, неудачу, что выливается в типичные социальные связи.

В Семинаре XIX Лакан также часто подмечает, что продукт дискурса составляет *surplus jouissance*⁴⁶. Как мы уже упоминали, это является отсылкой к прибавочной стоимости Карла Маркса. Существенной чертой такой стоимости является то, что рабочий всегда обманут капиталистом, который кладет избыток к себе в карман за спиной рабочего. Ценность, которая создается в течение рабочего дня, на самом деле намного выше чем то, что капиталист платит рабочему.

Капиталистическое производство подразумевает, что человек больше не работает исключительно для того, чтобы удовлетворить потребности, и останавливается, как только они были удовлетворены. Производство продолжается за пределами удовлетворения потребностей, что приводит к фетишистским отношениям с прибавочной стоимостью⁴⁷. Таким образом, прибавочная стоимость является как продуктом, так и двигателем капиталистической производительной системы.

---

⁴⁶ Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan: Book XIX: ...Or worse, 1971-1972. Trans. by Gallagher, C., C. 193

⁴⁷ Tomšič, S. Homology : Marx and Lacan, S : Journal of the Circle for Lacanian Ideology Critique 5, 2015, C. 98-113

Тем не менее, несмотря на присвоение прибавочной стоимости, Маркс подчеркивает, что капиталист лично не наслаждается тем, что он получает. Капиталист в своей сущности – это всего лишь поддержка, которая заставляет всю систему работать. Следовательно, то, что производит капиталистическая система – это фантазмы удовлетворения, в то время как фактически никто не наслаждается⁴⁸. Таким образом, каждый человек, на самом деле, является пролетарием.

Позиция *jouissance* для любого дискурса является критически важной, жизненно необходимой. *Jouissance* – это сущность всего, о чем мы говорим в психоанализе⁴⁹. Лакан утверждает, что аналогия с марксистской прибавочной стоимостью в рамках структуры дискурсов – не аналогия в полном смысле, поскольку и дискурсы, и система, описанная Марксом гомологичны, структурно идентичны: в разных формах они обусловлены одной и той же логикой⁵⁰. Обе системы производят определенный избыток, по отношению к которому образуется фетишистское отношение. Капиталистическое производство прибавочной стоимости фетишизируется, в то время как в логике дискурса производится фетишизация, связанная с *surplus jouissance*. А место пролетария ничем не отличается от места субъекта бессознательного.

Психоанализ можно обвинить в радикализации марксистского анализа капитализма, однако, по крайней мере, он обнажает проблему: капиталистическое *jouissance* заставляет субъекта воспроизводить капитализм в подсознании. Именно по этой причине психоанализ, до тех пор, пока он заинтересован в изменении отношения субъекта к *jouissance*, должен рассматриваться в логической преемственности с проектом Маркса по критике политической экономии.

Можно наметить и другие схожести в структурной организации капитализма и дискурсов. В ходе вовлечения в дискурс производится язык,

---

⁴⁸ McGowan, T. *The End of Dissatisfaction? Jacques Lacan and the Emerging Society of Enjoyment*. New York, NY: SUNY., 2004, С. 31-34, 86

⁴⁹ Lacan, J. *The seminar of Jacques Lacan. Book XVI : From an Other to the other: 1968-1969*, Trans. by Gallagher, C., С. 41

⁵⁰ Там же

капиталистическая система производит товар. Но в процессе обмена что-то с неизбежностью теряется. В дискурсе существует фундаментальное неудовлетворение: в попытке решения проблемы *jouissance* с помощью языка, в попытке нахождения решения для него через социальную связь, возникает опыт невыразимого запредельного. Использование означающих для обозначения *jouissance* приводит говорящего только к корпоральному напряжению, которое не присуще языку. И здесь на передний план выходит *surplus jouissance*.

С постоянной повторяемостью *jouissance*, с тем *jouissance*, которое всегда требует повторения и возвращает субъект на исходную точку, с потерей *jouissance* формируется своего рода энтропия. Объект малое *a*, потерянный субъектом в процессе его расщепления, функционирует как основной мотиватор повторения.

Следуя Семинару XVII и продолжая аналогию с капитализмом, мы можем сказать, что рабочий, в своем труде, направленном не на получение, но на избегание абсолютного *jouissance*, производит прибавочное *jouissance*. Он обуславливается Законом и всеми сопутствующими ему явлениями вроде долга, правил и, в конце концов, законов как таковых. Обуславливается определенным порядком, который насаждается в рамках дискурса, защищая субъект от *jouissance*. Эта защита – обязательный эффект дискурса, и в результате производится *surplus*, подпитывающий повторение.

Surplus jouissance субъект извлекает только в случае его согласованности с Законом, что предполагает отречение от тех или иных источников удовольствия. Таким парадоксальным образом *jouissance* становится возможным при отказе от *jouissance*. *Surplus jouissance* подразумевает наслаждение недостатком наслаждения, поскольку больше наслаждаться нечем.

Когда *surplus jouissance* переходит на более высокий уровень, оно перестает быть *surplus jouissance* и вписывается в существующий порядок как некая ценность, вычтенная из совокупности накопленного, того, что было накоплено в природе, которая была существенно преобразована. В прибавочной стоимости Маркс раскрывает разграбление *jouissance*. И тем не менее

прибавочная стоимость является памятником *surplus jouissance*, эквивалентом. Общество потребления находит свой смысл в том, что любому элементу, квалифицированному как «человек» может быть предоставлен гомогенный эквивалент любого *surplus jouissance* любого продукта производства, показного *surplus jouissance*. Некоторые люди производят видимость этого *surplus jouissance*. На самом деле, многие люди находятся на этой стадии⁵¹.

Surplus jouissance всегда конституирует нехватку и потерю. Так, используя язык, мы всегда упускаем суть, в то же время замыкая дискурс в положении бесконечного повторения, охотой за тем, что должно быть упущено. Это отношение выражает диагональная стрелка от *surplus jouissance*/продукту обратно к видимости/агенту.

Отсутствие связи между истиной, подпитывающей дискурс и *surplus jouissance*, также замыкает дискурс в бесконечном повторении. Говоря общо, не существует никакой надежды на то, что разделение субъекта когда-либо может быть преодолено, или что не-удовольствие может быть разрешено, если мы подходим к *jouissance* с помощью языка, что мы обычно и делаем.

В самом французском наименовании прибавочного *jouissance*, *plus-de-jouir*, кроется двусмысленность. Буквальная эквивалентность слова *plus* как «больше не» и *plus* как «больше» при часто идентичном произношении может создать путаницу в понимании смысла термина. *Surplus* – прибавок *jouissance*, не конец *jouissance* или слишком много *jouissance*. *Plus-de-jouir* ни в коем случае не предполагает, что *jouissance* подходит к концу; *plus* должен, скорее, пониматься как фактически синоним *Encore!* – Больше! *Plus-de-jouir* также является одним из переводов *Lustgewinn* Фрейда⁵². Кроме того, в Семинаре XVII Лакан дает собственный немецкий перевод *surplus jouissance*: *Mehrlust*⁵³, очевидно вторя *Mehwert* Маркса.

---

⁵¹ Lacan, J. *The Seminar of Jacques Lacan. Book XVII : The Other Side of Psychoanalysis, 1969-1970*, Trans. by Gallagher, C., C.115-116

⁵² Žižek, S. *Incontinentence of the void : economico-philosophical spandrels*, 2017, Cambridge, Mass : MIT Press, C. 151

⁵³ Lacan, J. *The Seminar of Jacques Lacan. Book XVII : The Other Side of Psychoanalysis, 1969-1970*, Trans. by Gallagher, C., C. 38

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, мы должны снова вернуться к вопросу: что мы на самом деле имеем в виду, когда говорим о *jouissance* Лакана? Очевидно разделение удовольствия (*pleasure*) и *jouissance*, поскольку, кажется, в самом *jouissance* очень мало приятного. Удовольствие Лакана – это уменьшение напряжения в психической системе, таковым является удовольствие удовлетворения голода. В этом смысле *jouissance* – это компульсивное переедание, когда употребление пищи вызывает сильную боль и дискомфорт. Удовольствие заключается в чихе после зуда в носу, а *jouissance* – в несуйцидальном самоповреждении, таким образом, выражающееся как симптом или *sinthome*. Потому для наиболее приближенного к практической стороне *jouissance* необходимо внимательное рассмотрение клинической практики, которая, однако, не отражена в работе, поскольку нашей целью является исследование теоретических основ модальностей *jouissance*, каковые могут встречаться у каждого субъекта вне зависимости от его истории болезни.

Нами также была поставлена цель обнаружения *jouissance* как продукта дискурса в теории дискурсов Лакана, подразумевающей варианты коммуникации между субъектами как единичными, так и коллективными. По итогам исследования мы можем заключить, что результат, который создает дискурс, никогда не удовлетворяет *jouissance* и никогда не достигает истины, которая мобилизует поворот к другому. Последствием дискурса можно назвать *surplus jouissance*, который не имеет ничего общего с истиной, приводящей дискурс в движение, но является необходимым следствием и основой того, что замыкает дискурс в его вечное возвращение.

Jouissance понимается как травмирующий избыток. Другими словами, *jouissance* – это то, что разрушает и подрывает цели, планы и удовольствия субъекта, а не то, чем он наслаждается в широком смысле. Исследование разрабатывает проблему понимания различных форм *jouissance* (JA, JФ, *jouis-sens*, *jouissance* Вещи), исходя из той предпосылки, что *jouissance* не приносит

удовлетворения. В стандартной ситуации *jouissance* никогда не достигается субъектом полностью.

Фаллическое *jouissance*, находящееся на пересечении Реального и Символического – это то, что раскрывается в речи, но при ближайшем рассмотрении открывает травматическую невозможность Реального, символическую нехватку. Так называемый смысл, который закладывается в речи субъекта коль скоро он претендует на то, чтобы называться осознанным, фаллическим, поскольку является попыткой суммировать символический порядок, пронизанный противоречиями, в единый, последовательный поток. Фаллическое *jouissance*, *jouissance* речи – попытка связать все в единую символическую последовательность. Но Реальное никогда не исчезает, поэтому этот проект никогда не достигается.

Jouissance Другого или женское *jouissance*, в противовес к изоляционному по своей сути фаллическому *jouissance*, направлено к Другому и находится на пересечении Воображаемого и Реального, это *jouissance* тела, близкое к религиозному экстазу. Этот тип *jouissance* сопротивляется вербализации, поскольку огибает Символическое, и зачастую субъект не знает о нем ничего, кроме того, что он его переживает.

Третий тип *jouissance* – *jouis-sens*, наслаждение смыслом, *jouissance* бессознательного, находящийся на пересечении Воображаемого и Символического. Это *jouissance* языка, из которого сделано бессознательное и на которое направлена практика свободных ассоциаций. Именно язык, который проскальзывает в речь субъекта в самые неожиданные ситуации обеспечивает *jouissance* как *jouis-sens*.

Последним типом *jouissance* является *jouissance* Вещи, выделяемый исключительно ретроспективно. Это *jouissance*, в которое субъект погружен до вхождения в Символическое, он связан с матерью, которая является для субъекта абсолютным Другим. *Jouissance* Вещи является недостижимым, проходя через запрет в Эдиповом комплексе.

Рассмотрев различные этапы концептуального развития понятия *jouissance* в учении Лакана, мы можем с очевидностью признать разрушительный потенциал, который может оказать *jouissance* на организм и психическую среду человека, особенно в тех случаях, когда он не ограничен фаллической функцией. Естественное состояние недостатка *jouissance* ограждает кастрированный субъект от разрушения его избыточностью. Таким образом, фундаментальная нехватка *jouissance* является нормой, присущей субъекту, который характеризуется как здоровый в медицинском смысле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan. Book V : The Formations of the Unconscious : 1957-1958, Trans. by Gallagher, 472 с.
2. Lacan, J. The Seminar I: Freud's Papers on Technique, Ed. J-A Miller, N.Y. : Norton, 1988, 330 с.
3. Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. М. Территория будущего : 2010, 558 с.
4. Dictionary of Untranslatables: A Philosophical Lexicon, Ed. B. Cassin, E. Apter, J. Lezra, M. Wood, Princeton University Press, 2014, С. 1344
5. Zuccarini, C. Enjoying the Operatic Voice : A Neuropsychanalytic Exploration of the Operatic Reception Experience. Vernon Press, 2019, 308 с.
6. Freud, S. Totem and Taboo, Ed. A. A. Brill, London : George Routledge & Sons, 1919, 172 с.
7. Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan, Book XVII : The Other Side of Psychoanalysis, New York : Norton, 1969-1970, 224 с.
8. Freud, S. Instincts and their vicissitudes. London : Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1915, 140 с.
9. Wollheim, R. Sigmund Freud. N.Y. : Cambridge University Press, 1981, 292 с.
10. Freud, S. Selected Papers on Hysteria and Other Psychoneuroses, second, enlarged edition, Tans. by A. A. Brill, New York : The Journal of Nervous and Mental Disease Publishing Company, 1912
11. Freud, S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XVIII : Beyond the Pleasure Principle, Group Psychology and Other Works. London : The Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1921, 337 с.

12. Freud, S. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIV : On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works. London : The Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis, 1957, C. 496
13. Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan. Book X : Anxiety, Trans. by Gallagher, C., 1962-1963, 313 c.
14. Freud, S. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XI : Five Lectures on Psycho-Analysis, Leonardo da Vinci and Other Works. London : The Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis, 1957
15. Freud, S. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XXIII : Moses and Monotheism, An Outline of Psycho-Analysis and Other Works. London : The Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1964 , 334 c.
16. Lacan, J. The Seminar XIV : The Logic of Phantasy, Trans. by C. Gallagher, 2002, 190 c.
17. Lacan J. Écrits, The Subversion of the Subject and the Dialectic of Desire, Trans. by B. Fink, N. Y., W. W. Norton & Company, 2006, 895 c.
18. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб : Наука, 2003, 792 c.
19. Lacan, J. The Seminar. Book VII. The Ethics of Psychoanalysis, 1959-60. Trans. Dennis Porter. London : Routledge, 1992, 287 c.
20. Lacan, J. La troisieme. Rome, Trans. Yolande Szczech, 2013, 75 c.
21. Lacan, J. Television : A Challenge to the Psychoanalytic Establishment, ed. Joan Copjec, trans. Denis Hollier, Rosalind Krauss and Annette Michelson, New York : Norton. 1990, 154 c.
22. Lacan, J. Geneva lecture on the symptom, 1975, Melbourne : Centre for Psychoanalytic Research, trans. by Russell Grigg, 1989, 62 c.
23. Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan, Book XX : Encore. On Feminine Sexuality, the Limits of Love and Knowledge., New York : Norton, 1998, 160 c.

24. Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan. Book XVI : From an Other to the other : 1968-1969, Trans. by Gallagher, C., 219 c.
25. Lacan, J. On Psychoanalytic Discourse, Milan : Lacanin Italia, 1972, 357 c.
26. Lacan, J. The Seminar of Jacques Lacan. Book XVII : The Other Side of Psychoanalysis, 1969-1970, Trans. by Gallagher, C., 224 c.
27. Lacan, J. The seminar of Jacques Lacan: Book XIX : ...Or worse, 1971-1972, Trans. by Gallagher, C., 183 c.
28. Žižek, S. The Sublime Object of Ideology, 2009, Verso, 272 c.
29. Tomšič, S. Homology : Marx and Lacan, S : Journal of the Circle for Lacanian Ideology Critique 5, 126 c.
30. McGowan, T. The End of Dissatisfaction? Jacques Lacan and the Emerging Society of Enjoyment. New York, NY: SUNY, 2004, 248 c.
31. Žižek, S. Incontinence of the void : economico-philosophical spandrels, 2017, Cambridge, Mass : MIT Press, 323 c.